

АЛЬБОМ МОСКОВСКОЙ КНИЖНОЙ ЛАВКИ ПИСАТЕЛЕЙ НА ФОНЕ ЭПОХИ 1930-х ГОДОВ

© Гоголин Михаил Юрьевич (2024), независимый исследователь,
Москва, gogless@yandex.ru

Статья представляет собой расшифровку доклада, прочитанного автором 19 апреля 2016 г. в Московском клубе библиофилов (стилистика устной речи в публикации сохранена) и посвященного уникальному артефакту – мемориальному рукописному альбому Книжной лавки писателей. Этот альбом, имеющий безусловный интерес и для историков русской литературы, и для библиофилов, и для специалистов в области книжного дела и книжной графики, и для тех, кто занимается изучением советской эпохи, впервые вводится в научный оборот. Обладая самостоятельным эстетическим значением, указанный альбом проливает дополнительный свет на механизмы и функционирование так называемого «литературного быта» (данная категория разработана Б.М. Эйхенбаумом) 1930-х годов. Наряду с этим статья содержит воспроизведение всех автографов, оставленных в альбоме советскими писателями, литераторами и учеными, некоторых из которых были репрессированы (Л.М. Леонов, Демьян Бедный, Вс. Вяч. Иванов, В.В. Ермилов, Д.А. Тер-Симонян, М.П. Гальперин, В.А. Гиляровский, В.Г. Лидин, В.А. Каверин, Г.О. Винокур, Н.С. Ашукин, Н.Д. Волков, К.А. Большаков, А.Н. Зуев). Часть автографов имеет стихотворную форму, что позволяет рассматривать их в контексте поэтического творчества их создателей. Авторство нескольких автографов установить не удалось, поэтому данная статья закладывает основу для их будущей атрибуции, которая вполне вероятна. Кроме того, к статье прилагаются иллюстративные материалы: книжные знаки и рекламная продукция Лавки писателей, а также автографы Демьяна Бедного, В.А. Гиляровского, В.А. Каверина, К.А. Большакова.

Ключевые слова: сталинская эпоха, советская книготорговля, литературный быт, книжные знаки, автографы писателей.

Я продемонстрирую вам один примечательный памятник литературного быта Москвы 1930-х годов – мемориальный рукописный альбом Книжной лавки писателей. Мне очень сложно подобрать адекватное определение этому предмету. Что это такое: гостевая книга? мемориальный альбом? памятная книга записей? Или это «Книга писателей Книжной лавки», как была названа ее реинкарнация в послевоенный период существования Лавки? Решать вам.

Перед нами помпезный альбом: цельнокожаный коричневый переплет с глубоким блинтовым тиснением, укрепленный фигурными

металлическими наугольниками и снабженный жуковинами и кожаными застежками, с высокими бинтами по корешку. На лицевой стороне переплета – рельефный рисунок с геральдическими мотивами в стилистике графики немецкого барокко и с датировкой 1684–1884.

Толстый блок веленовой бумаги, вощенный и тонированный трехсторонний обрез, составные форзацы с декоративно-орнаментальным узором по рельефному полувагману. Формат близок к инкварто, 32X25, толщина более 6 см. Общий вес этого замечательного произведения переплетного искусства составляет около 4 кг.

Прежде чем ознакомить вас с содержанием альбома Лавки писателей, я попробую внести некоторую определенность в обширный блок информации по истории этого торгового предприятия. Это необходимо, поскольку в целом ряде книг, в периодике и особенно на просторах Интернета зачастую представлены малодостоверные материалы, где недостаточно компетентные авторы смешивают московскую и ленинградскую Лавки писателей, путаются в московских Лавках 1920-х и 1930-х годов, именах, датах, событиях и т.д.

Традиция существования в России книжных лавок – не только в качестве торговых заведений, но и в качестве своеобразных неофициальных клубов литераторов – берет свое начало еще с XIX века, со времени создания знаменитой книжной лавки А.Ф. Смирдина, заложившей традиции неформального общения писателей, книгопродавцев и книголюбов.

Эта традиция получила новый импульс в донэповской России, где силами самих литераторов были организованы такие предприятия, как Книжная лавка писателей, Лавка поэтов, Лавка художников слова, хотя все они, как вспоминал М.А. Осоргин, представляли собой скорее трудовые артели, нежели коммерциализированные клубы по интересам [Осоргин 2007].

«В первые годы Великой Октябрьской революции, пока государственная книжная торговля еще недостаточно организовалась и не оформилась, существовал целый ряд небольших писательских коллективов, где за книжным прилавком стояли писатели. Эти книгоартели, пользовавшиеся покровительством советской власти и освобожденные от всяких налогов, носили названия: Лавка писателей (Леонтьевский пер.), Лавка художников слова (улица Герцена), Лавка поэтов (проезд Художественного театра), Лавка деятелей искусств (улица Герцена), Лавка содружества писателей (улица Горького). Каждая из этих лавок была для своего времени маленьким

культурным центром Москвы, не только книготорговой организацией, но и местом отдыха, своего рода клубом “на перепутье” для писателей, профессоров, книголюбов, артистов, учащихся. Лавки такого рода существовали в Ленинграде и в провинции» [КЛП-2, 9].

Наибольший интерес вызывает здесь образованная на паевых началах московская Книжная лавка писателей (1918-1922), среди основателей и функционеров которой можно назвать имена М.А. Осоргина, П.П. Муратова, Б.К. Зайцева, Н.А. Бердяева, Б.А. Грифцова и прочих, а наиболее значимым результатом деятельности лавки явился выпуск большого количества рукописных изданий, и по сию пору являющихся самыми притягательными артефактами той эпохи для любого библиофила. Известны два великолепных книжных знака для нее, выполненных В.А. Фаворским и В.Д. Фалилеевым.

Но сегодня речь у нас пойдет о другом торговом предприятии с аналогичным названием, возникшем десятью годами позже. Истории новой Книжной лавки посвящены две небольшие книги: «Книжная лавка писателей. 3 мая 1931 – 15 августа 1934. К Первому Всесоюзному съезду советских писателей» [КЛП-1] и «Книжная лавка писателей. 1932–1957» [КЛП-2]. Именно из этих первоисточников во избежание погрешностей я и буду извлекать необходимую информацию.

Наибольший интерес представляет первый из них. Как видите, это малоформатная брошюра в 16 страниц, вышедшая в «собственном» (государственный самиздат!) издании тиражом 800 экземпляров. В выходных данных проставлена виза Мособлита от 8 августа 1934 года. Скверная бумага, импровизированная обложка: тонкий картон с наклеенным сверху иллюстративным ярлыком Книжной лавки писателей (далее – КЛП) работы Н.В. Кузьмина, выполненным в стилистике его знаменитых иллюстраций к «Евгению Онегину». На последней странице воспроизведен книжный знак КЛП, ксилография М.И. Пикова, правда, с усеченной нижней частью, где указывался ее прежний адрес: Моховая, 22, хотя Лавка уже второй год находилась на ул. Горького, 26.

Брошюра вышла анонимно, однако анализ текста безошибочно указывает на соавторство двух людей, имевших непосредственное отношение к КЛП, – ее руководителя Д.С. Айзенштата и куратора от Союза советских писателей Н.С. Ашукина: их позднейшие статьи, вошедшие в сборник КЛП-2, включают в себя множество дословных цитат из первой брошюры.

Итак, предоставим слово непосредственным участникам литературных процессов, давшим путевку в жизнь Книжной лавке писателей, нынешнему патриарху московской антикварно-букинистической торговли. «Решение об организации КЛП было вынесено правлением Всероссийского союза советских писателей 3 марта 1931 года. Оно мотивировалось необходимостью наилучшего снабжения книгами писателей и писательских организаций. Такая установка предопределила характер ассортимента лавки и основное направление ее деятельности» [КЛП-1, 3].

Здесь необходимо уточнение. Решение об организации КЛП действительно было принято 3 марта, однако датой ее основания, как это зафиксировано в КЛП-1, считается 3 мая 1931 года: по-видимому, на всякого рода бюрократические и организационные процедуры ушло ровно два месяца. При этом сами работники КЛП отчего-то считали датой основания Лавки 18 марта 1931 года, о чем я расскажу позже. К слову, в вопросе о датировке организации КЛП царит сплошная неразбериха: в КЛП-2 годом ее создания назван 1932-й – по-видимому, издатели стремились привязать выход сборника к 25-летию Лавки и поэтому совместили ее основание с датой переезда на ул. Горького.

А советский энциклопедический словарь «Книговедение» пошел еще дальше, объявив годом основания КЛП 1929-й [Книговедение, 268]! Впрочем, этой неточности есть разумное объяснение. КЛП возникла не на пустом месте. За два года до ее образования в Москве уже функционировала Литературная книжная лавка при издательстве «Недра», правда, на кооперативных началах, и непосредственное отношение к ее деятельности имел не кто иной, как авторитетнейший московский книжник Давид Самойлович Айзенштат. Можно предположить, что решение Союза писателей об учреждении КЛП – следствие инициативы руководства самой Литературной книжной лавки, поскольку издательство «Недра» уже дышало на ладан и годом позже было ликвидировано (включено в состав ГИХЛа). Как бы то ни было, организационный период становления нового книготоргового субъекта был значительно упрощен – достаточно было переоборудовать помещение, перевезти фонды и сменить вывеску...

Руководителем Лавки был назначен все тот же Д.С. Айзенштат. Располагалась она сначала на Моховой, д. 22, затем на краткое время переехала в Копьевский пер., далее – на ул. Горького, 26, а теперь находится по адресу Кузнецкий Мост, 18/7. С первых лет существования

Лавка вынуждена была официально позиционировать себя как книготорговая организация нового типа, призванная удовлетворять потребности трудящихся и в особенности членов Всероссийского союза писателей: «Лавка писателей не ограничивает своих задач продажей только антикварной или так наз[ываемой] “роскошной” книги, на чем строили свои расчеты и благополучие дореволюционные антиквары. <...> Удовлетворяя потребности библиофилов, собирателей книжных редкостей, Лавка писателей никогда не забывает своей прямой задачи – обслуживания литературных работников. Писатель, подбирающий для своей литературной работы материалы <...> всегда находит в ее запасах нужные для себя издания» [КЛП-1, 4].

Члены Союза писателей имели в КЛП значительные привилегии и пользовались немалыми льготами: «...книги, наиболее интересные и нужные для писателя, не поступают в общую продажу, а бронируются для распространения исключительно среди писателей. Со дня открытия лавки писатели пользуются при покупке букинистических книг установленной скидкой» [КЛП-1, 5].

Попутно издательства и писатели решали проблемы с распространением печатной продукции, реализуя через Лавку значительную часть свежих тиражей: «...с переходом лавки в ведение издательства “Советская литература” (с сентября 1932 г., по постановлению Оргкомитета ССП) в лавке возник обширный отдел новой книги, состоящий главным образом из продукции изд-ва “Советская литература” (издания “Советской литературы” поступают в Книжную лавку писателей в количестве 15 проц. общего тиража)» [КЛП-1, 6].

Но все же прежняя выгучка Д.С. Айзенштата давала себя знать, да и связи с изрядно поредевшей старой гвардией библиофилов не ослабли, что позволяло попутно осуществлять весьма интенсивную торговлю антикварным товаром. Книги покупались целыми библиотеками: чего стоит только приобретение библиотек П.Е. Щеголева, Ю.П. Бартенева, В.И. Герье и многих-многих других. Через КЛП были реализованы исключительные книжные редкости: «Житие Федора Ушакова» Радищева, «Мечты и звуки» Некрасова, огромное число рукописей и автографов классиков русской литературы: Некрасова, Тургенева и даже Пушкина! Особо следует отметить приобретение и передачу в Пушкинский Дом происходящего из собрания «венценосного поэта» Константина Романова уникального экземпляра шести глав «Евгения Онегина» с рукописными дополнениями и рисунками автора [КЛП-2, 17–18].

Так что руководству КЛП было о чем рапортовать близящемуся I съезду писателей, да и писательская организация не обделяла Лавку вниманием: «В помощь руководителям лавки писатели из своей среды выделили комиссию, состав которой в настоящее время таков: Лидин В.Г. – председатель, Ашукин Н.С. – секретарь, члены: Зуев А.Н., Иванов В.В., Леонов Л.М., Малышкин А.Г. и Эфрос А.М.» [КЛП-1, 15]. С именами многих из членов этой комиссии мы еще встретимся на страницах мемориального альбома.

Как я уже говорил, члены Союза писателей имели особые привилегии. Они, в частности, получили допуск на запретный для простых смертных второй этаж, что стало возможным, когда Лавка переехала в капитальное строение на улице Горького: «Лавка писателей имела два этажа. На первом шла обычная книжная торговля. Второй этаж был предоставлен писателям. Здесь спокойно, за столиком, они знакомились с книгами, здесь же велась продажа книг. Наиболее почитаемыми книгами были антикварные и иллюстрированные издания XVIII и XIX веков. В Лавке писателей составили свои замечательные библиотеки писатели Вс. Иванов, Л.М. Леонов, В.Г. Лидин, Демьян Бедный, Н.П. Смирнов-Сокольский <...> и многие другие известные книголюбы» [Глезер 1989, 34].

Подобный порядок сохранился и при переезде КЛП на Кузнецкий Мост. Много позже сходная практика создания vip-залов для избранных была реализована и в некоторых других магазинах, в частности, в «Букинисте», расположенном в высотке на Котельнической набережной, где дефицитная литература предлагалась немногим счастливым не так, как в прочих магазинах, – в подсобке или подвале, а в небольшом, но уютном помещении на втором полуэтаже торгового зала.

Руководство Лавки писателей, воодушевленное переездом, строило наполеоновские планы на будущее: «Все увеличивающийся рост оборота КЛП несомненно свидетельствует о ее значительной популярности среди работников литературы. Штат лавки, состоявший первоначально из 4 человек, в настоящее время дошел до 18 и все еще недостаточен. Перед руководством КЛП уже сейчас остро возникает вопрос о расширении лавки, о переходе ее в новое, более просторное помещение, о недостаточности складских помещений, об организации собственной мастерской, в которой могли бы производиться реставрационные работы, а также переплет книг» [КЛП-1, 15].

Но экспансионистские иллюзии о близости светлого будущего так и не стали явью: на очереди были репрессии, закручивание гаек, война... Переезд в «новое, более просторное помещение» произошел лишь в 1947 году – на Кузнецкий Мост, где Книжная лавка писателей и пребывает по настоящее время.

Вторая книга, КЛП-2, представляет собой сборник материалов, отражающих четвертьвековую деятельность Лавки: воспоминания и статьи благодарных пользователей, кураторов и членов коллектива КЛП, некрологи почившим книжникам, подборку высказываний классиков о книге и пользе чтения и – самое интересное – целый раздел выдержек из записей в «Книге писателей Книжной лавки»!¹ Как видим, традиция появления подобных мемориальных рукописных книг оказалась достаточно крепкой, чтобы возродиться спустя два десятилетия после возникновения первого альбома.

Состав участников «Книги писателей Книжной лавки» обновился, но не полностью: последний из могижан, Михаил Петрович Гальперин, большой мастер поэтического экспромта, не преминул украсить новый мемориальный альбом КЛП трогательным панегириком антикварной книге:

СРЕДИ КНИГ

Здравствуй, мой приют! Как нежен, прян и сладок
Старых, милых книг чуть слышный аромат!
С тоненькими ниточками шелковых закладок
Умные друзья мои таинственно молчат.
Строгий, мудрый Кант – великий мир загадок, –
Байрон, и Шекспир, и римлян длинный ряд...
Греки, Ренессанс... расцвет и вновь упадок, –
Как живет мой ум ваш многовкусный яд!
Шумный мир забыт. Умолк житейский рынок.
В мир безмолвия я тихо прихожу...
Немощный титан, – великий среди пылинок, –
Думой пролетев за вечности между,
Старые ряды сафьянных стройных спинок
Взором ласковым влюбленно обвожу.

[КЛП-2, 53]

¹ Местонахождение подлинника «Книги писателей Книжной лавки» неизвестно.

Да и поэты нового призыва не ударили в грязь лицом, подарив читателю целый букет замечательных импровизаций на библиофильскую тему:

КНИГИ

Книги мои любимые, – в шелковых, сарафанных,
В ситцевых переплетах, в коже и коленкоре,
Плотные темно-синие томики Мопассана,
В яркую зелень одетые Верлена тоска и горе...
Глыбами ржавых песчаников стоят тома Маяковского,
Черным уступом угольным лежат тома Достоевского. Как
вспоминал вас, милые, я у вокзала Московского,
В дыме обстрела гремучего на середине Невского. <...>

А. Тарасенков [КЛП-2, 48]

Или замечательный перепев вольного перевода Маршака стихотворения «Честная бедность» Р. Бернса:

ИЗ РОБЕРТА БЕРНСА

Перевели В. Масс и М. Червинский

Кузнецкий мост. Знакомый дом.
Книг разных средоточие.
Новинки книжные притом
И все такое прочее.
При всем при том,
При всем при том,
Верней, при всем при этом
Мы тут прозаика найдем
И встретимся с поэтом.
За книгами и просто так
Сюда в часы рабочие
Приходят Федин, Фиш, Маршак,
Катаев, Прут и прочие.
При всем при том
За томом том
Здесь Лидин покупает,
Хотя его никто кнует
Сюда не загоняет. <...>

[КЛП-2, 55]

В заключение не могу не привести очень близкое мне по духу стихотворное признание А.М. Арго:

Кто б ни был ты – солиднейший прозаик
Иль легкомысленный – гм-гм – поэт, –
Тебя здесь ждет улыбка двух хозяек
И дружеский директора привет!
Но берегись – тыходишь в мир соблазнов,
Откуда слишком труден путь назад, –
Они коварны и разнообразны,
Они бюджету твоему грозят!
Когда на полках книгам нету счета,
Они кряхтят, обрушиться грозя,
И покупать их дальше неохота,
А не купить их все-таки нельзя,
Когда тебя лукавою усмешкой
Манят многообразные тома –
От подписных Бальзака иль Ожешко
До сойкинского древнего Дюма,
Когда ты толком сам не разумеешь,
Как поступить, но знаешь лишь одно:
«Ее» ты купишь – значит пожалеешь,
Не купишь – пожалеешь все равно.
И покупаешь с толком иль без толку,
И каждый день даешь себе зарок,
И заполняешь стиснутую полку
Уже не вдоль, о нет, а поперек...
О радость покупательного лиха!
Блаженны те, кто дань ей отдают –
Те, кто с любовью покупают книгу
И кто ее с любовью продают.

[КЛП-2, 50–51]

Впрочем, составители КЛП-2 остались верны идеологическим установкам, подчеркнув в предисловии: «Совершенно естественно, что главную роль в деятельности Книжной лавки занимает не старая книга. Задача лавки состоит в том, чтобы прежде всего пропагандировать книги советских писателей» [КЛП-2, 6].

Но все же завершить обзор деятельности Книжной лавки писателей мне бы хотелось теплыми словами Л.М. Леонова: «Для меня и

ряда моих товарищей по ремеслу Книжная лавка останется всегда любимым клубом. Выработалась привычка: каким бы маршрутом ни выйти из дому, на исходе дня непременно забрести сюда, посидеть полчаса среди милых и живых, среди великих и мертвых. И хотя пыль лежит на этих торжественных фолиантах, воздух здесь всегда казался мне чистым и тихим, как среди горных вершин. Здесь я впервые держал в руках подлинники первоизданий Дюрера и Леонардо, Пушкина и Руссо. Мне нравится и эта постоянная разногололая толчея у прилавков, прямое доказательство громадного культурного роста страны, и молодые советские профессора, отбирающие среди бумажной рухляди свои, незримые другому, сокровища, и комсомольцы, которые уносят в жизнь толстый том под мышкой и добрую книжную пыль на рукавах своих кожаных курток. Не в этом ли главная удача лавки?» [КЛП-2, 22].

К сожалению, судьбу первоисточника «Книги писателей Книжной лавки» мне установить не удалось. Нынешнее руководство магазина также не располагает сведениями о ее местонахождении. Но неисповедимы пути книги. Во всяком случае, надежда на то, что этот артефакт еще выплывет на антикварный рынок, у меня не угасла.

Конечно, у каждого из нас, московских библиофилов, с Книжной лавкой связаны свои воспоминания, и мы благодарны замечательным людям, дарившим нам радость приобщения к столь притягательному, столь и разорительному миру антикварной книги. Для меня это, в первую очередь, подлинный знаток и непревзойденный библиограф Юрий Петрович Калгатин, известный всей библиофильской Москве 70-х и 80-х годов как «Юра из Лавки писателей». Прочие продавцы и товароведы КЛП, к сожалению, неохотно шли на контакт с начинающим книголюбом...

Но вернемся к основной теме моего выступления – мемориальному альбому Книжной лавки писателей. Этот роскошный том, разумеется, не был специально изготовлен для Лавки. Руководство КЛП попросту приспособило под будущую «гостевую книгу» самый представительный из имевшихся в его распоряжении альбомов.

Каковы же его содержание и особенности?

Прежде всего отметим, что заполнены только первые два десятка листов, прочие 300 остались пустыми, что говорит о чрезвычайно

ответственном подходе к кандидатам: по-видимому, альбом постоянно находился под замком и извлекался лишь в особых случаях. Записи велись крайне нерегулярно. Судите сами: за 1933 год лишь две записи, за 1934 – шесть, за 1935 – одна, за 1936 – ноль, и лишь 1937 год имеет рекордный показатель в восемь инскриптов, только все они сделаны в дни пушкинского юбилея, в большинстве своем малоинформативны и носят натужно-официозный характер.

Что показательно, первые листы альбома оставлены пустыми, и это неспроста. Место было зарезервировано для особых гостей, и, очевидно, в первую очередь для А.М. Горького. Однако классик соцреализма, хотя и проживал поблизости, так ни разу и не почтил Лавку своим посещением, иначе Д.С. Айзенштат непременно отметил бы этот факт в статье «Великий книголюб» [КЛП-2, 30–34]. Горький общался с книгопродавцами исключительно через своего «личного библиотекаря» Л.Г. Подольского, присылая с ним записки с требованиями на необходимую ему литературу...

Но ближе к делу. Вот полный свод записей. Привожу их без искажений и с минимумом комментариев. Пусть авторы говорят за себя сами.

ТЕКСТЫ АВТОГРАФОВ В МЕМОРИАЛЬНОМ АЛЬБОМЕ ЛАВКИ ПИСАТЕЛЕЙ

1. **Леонид Максимович Леонов** (1899–1994) – будущий классик соцреализма и член комиссии Оргкомитета ССП, надзиравшей за КЛП. Альбом открывается его велеречивой сентенцией о целительной силе банных процедур в переложении на реалии быта истинного библиофила:

«Два места следует посещать гостю, ежели важна тебе чистота тела и души: баня и Книжная лавка писателей. И только так – in corpore sano mens sana sit² (к слову, никогда не следует этого последнего чистоту забывать, дабы не исказить классику). Баня доставляет великое облегчение душе, ибо через баню к небу воспаряет человек. Книжная же лавка способствует очищению и об-

² Искаженная цитата из 10-й сатиры Ювенала: *Orandum est, ut sit mens sana in corpore sano* (лат.) – Надо молить богов, чтоб здоровый дух был в здоровом теле.

легчению тела – от денег, которые суть скопище миазмов и микробов, и даже от последних штанов – смотря по темпераменту и склонности к библиофильству.

Так все мы понемногу паримся в Книжной лавке писателей, в бане и во многих других местах, заботясь о здоровье телесном и духовном.

26 янв. 1933, после бани.

Москва

Леонид Леонов»

2. **Демьян Бедный (Ефим Александрович Придворов)** (1883-1945) – популярный поэт и публицист, библиофил.

«Хотя сегодня я настроен юбилейно³,

Но и сегодня я в рабочей полосе.

Здесь, в Книжной лавке, все родные мне семейно

И люди, милые мне – все!

13 / IV – 33

Демьян Бедный»

Далее – небольшая загадка. 1934 год открывал третью годовщину существования КЛП, поэтому страница альбома здесь соответствующим образом оформлена:

1931 – III – 1934

18 марта 1934 г.

Возникает вопрос: почему день рождения Лавки – 18 марта? Повторюсь: 3 марта 1931 года правление тогда еще Всероссийского союза писателей постановило организовать в Москве Книжную лавку писателей (возможно, на базе Литературной книжной лавки при государственно-кооперативном издательстве «Недра»). На титульном листе КЛП-1 значится официальная дата, с которой Лавка начала официально функционировать в качестве книготоргового заведения, – 3 мая 1931 года. Откуда же тогда взялось 18 марта? По-видимому, эта дата фиксирует один из промежуточных этапов реорганизации бывшей Литературной книжной лавки, возможно, это не более чем день окончания переезда на новое место (Моховая, 22).

Тем не менее в 1934 году 18 марта было отмечено полуночным банкетом коллектива КЛП, на который были приглашены и «друзья лавки», как это явствует из памятной записи Всеволода Иванова.

³ В тот день Демьяну Бедному исполнилось ровно 50 лет.

3. **Всеволод Вячеславович Иванов** (1895–1963) – известный прозаик, журналист, драматург, член комиссии Оргкомитета ССП.

«Я пришел ровно в 11 часов вечера. Несомненно, я боялся, что кто[–нибудь] раньше меня заполнит первую страницу. Но никого не было.

Я любовался обильным столом – и самим собой. Я думал: каким же будет стол к V-летию или X-летию? Должен, однако, заметить, что хотя стол и совершенствуется, но книг стало заметно меньше. Надеюсь, к X-летию она диспропорция будет уничтожена.

Вот и все, что я смог написать мудрого о пользе книги.

Всев. Иванов»

На следующем листе размещены записи сразу трех писателей.

4. **Всеволод Вячеславович Иванов и Владимир Владимирович Ермилов(?)** (1904–1965) – крупный литературовед, ортодоксальный литературный критик.

Вверху – совместный инскрипт:

«Проходя мимо сей лавки 15-го (пятнадцатого) мая 1934 г., ничего не нашли в отношении духовной пищи⁴.

Протопоп оргкомитетский⁵

о. Всеволод

Смиранный иерей церкви, что по Б. Кисловскому пер.⁶

о. Владимир⁷»

В нижней части того же листа:

5. **Неизвестный персонаж, выступивший** под псевдонимом Давид Вій

«Вирос до неба,

А дурный, як треба.

Хоч ти й оргкомітетський поп,

Зате в реляції утоп.

⁴ Аллюзия на бессмертную «Жалобную книгу» Чехова.

⁵ Напоминание о том, В.В. Иванов состоял членом комиссии Оргкомитета ССП, призванной оказывать всяческое содействие КЛП по линии Союза.

⁶ Возможно, намек на только что снесенный Никитский женский монастырь, выходивший на Б. Кисловский.

⁷ О. Владимир – В.В. Ермилов. Его авторство установлено предположительно, по сходству почерка.

*Чиє б бурчало гарчало,
А твоє б мовчало!
От треста дурнів и халамид
Директор треста
Вій Давид*

Примечание

укр. «и» = «ы»

i = и

ї = йи

э = е

е = э»

*29 серпня 1934 року у місті Москва
на конгресі описувателів»⁸*

6. Драстамат Асканазович Тер-Симонян (1895–1937) – видный партийный функционер, нарком просвещения Армянской ССР. Арестован в августе 1936 и расстрелян в 1937 г.

«С великим удовольствием порылся в книгах сего книжного магазина, работники которого имеют столь ценное знакомство с современной и дореволюционной литературой. В частности, руководитель магазина Давид Самойлович Айзенштадт⁹ – энциклопедист книги. В магазине я почувствовал не только любовное отношение к книге, но также и заботливое отношение к покупателям – любителям хорошей книги.

⁸ Ты уж вырос до небес,
Но остался ты балбес.
Организаторский ты поп,
Но в реляциях утоп.
Кто бы не бурчал и не рычал,
Ты бы лучше помолчал.
От треста дураков и халамид
Директор треста
Вий Давид.

29 августа 1934 года в городе Москва
На конгрессе писателей.

(Перевод А.П. Кончаковского)
Халамида – босяк.

⁹ Д.С. Айзенштадт – прежнее написание фамилии Д.С. Айзенштата.

Председатель Союза писателей Армении

Д. Симонян

8/IX 34 г.

Москва»

7. Не идентифицированный персонаж *Said* [нрзб].

«Pendant mon voyage a Moscou¹⁰ ... [далее нрзб]

Le 22 septembre 1934

Said [далее нрзб]»

8. Михаил Петрович Гальперин (1882–1944) – поэт, журналист, драматург, переводчик, библиофил.

«Мольба книги

(вместо ex libris'a)

Я вас умоляю – щадите меня...

Я столько несу вам отрады...

Я – солнце для вашего тусклого дня

И стою за это награды.

Пускай прикасаются вечно ко мне

Одни только чистые руки –

Таятся в помарке и в жирном пятне

Для книги жестокие муки.

Сафьян над одной переплетной доской

Закапан был весь стеарином –

Отмечен однажды был случай такой

Поклонником книг ГальперИном...

Не перегибайте моих вы боков,

Страницу внутри не сгибайте,

Не делайте ногтем жестоких значков –

От этого больно мне, знайте!

Положенный между страниц карандаш,

Как пытка, мне страшен и гадок!

Для памяти разум придумает ваш

Немало удобных закладок

Мне клейма свои и печати!

Мой титул – как чистого дома крыльцо,

И грязь на нем, верь мне, некстати.

На воздухе в час непогоды укрой,

Бумажные сделай покровы!

¹⁰ Во время моей поездки в Москву... (фр.).

Ужасно боюсь я погоды сырой
От сырости я нездорова...
Прошу вас – страшитесь меня уронить,
Толчков я боюсь без границы –
От них в корешке разрывается нить,
Держащая крепко страницы.
Когда вы мое сбережете жите, –
И я ваш покой не нарушу.
Храните же бережно тело мое,
А я сберегу вашу душу!
Мих. Гальперин
Осень 1935 года

Для моей любимой и родной “Лавки писателей”»

9. **Владимир Алексеевич Гиляровский** (1855–1935) – известный писатель, очеркист, поэт.

«(Из “Баяна”)
(Картина¹¹. Июнь 1933 года)
Отсюда, с этого пенька,
Мне даль незримая близка –
Близка мне сумрачная даль,
Слетаю в прошлые века.
Пойму и радость, и печаль,
Сниму с грядущего вуаль,
Читая вещью скрижаль –
Завет Баяна-старика.
Все, что старо, все, что ново,
Все слилось – и явь, и сон,
Недосказанное слово,
Недопетой песни стон.

.....
Мил поэту дивный сон,
Рой веков – пролетный миг.
Краткий миг порой велик –
Незабвенно ярок он.

¹¹ Имеется в виду знаменитое полотно В.М. Васнецова «Баян» (1910), поразившее Гиляровского, написавшего о картине восторженный отзыв. Художник в знак признательности подарил Владимиру Алексеевичу акварельный эскиз к «Баяну», который тот очень полюбил.

Влад. Гиляровский

17. VI. – 34»

Следующий пласт записей целиком посвящен широко отмечавшемуся в феврале 1937 года 100-летию со дня смерти Пушкина. Череда мероприятий – митингов, концертов, вечеров поэзии и т.д. – проходила беспрерывно и повсеместно, но главное торжественное заседание было проведено в Большом театре вечером 10 февраля, чем, по всей видимости, и объясняется обилие датированных этим днем инскриптов.

10. Леонид Максимович Леонов.

«Пушкин принадлежит все равно нам, русским. Он внятен всем народам нашей страны. Он как мощная спокойная река, за немногие годы его жизни как много успело открыться в нем. Бесчисленным количеством устной [нрзб (речи-??)] вливается в живое море человеческой культуры. Никто не затмит его славы. Он первый посмел сделать свое искусство простонародным вопреки всему строю тогдашней жизни. И донныне его неувядающее наследство выдержало самую строгую проверку – испытание Столетием!

6 ф[евраля]. 1937

Леонид Леонов»

11. Владимир Германович Лидин (1894–1979) – прозаик, известный библиофил, председатель комиссии Оргкомитета ССП.

«Пушкин – песня нашей страны. Он спет самим народом, лучшие творческие силы которого питали его творчество. Поэтому он любим всеми и доступен каждому. Время не отдалило его, а только очистило, как драгоценный металл. Сто лет спустя в его стихах каждый из нас находит созвучие своим надеждам и чувствам, и музыка его гения побуждает к труду, к деятельности, к движению вперед. За это я люблю этого верного и неизменного соучастника всей моей сознательной жизни.

5 февраля – [19]37

Вл. Лидин»

12. Вениамин Александрович Каверин (1902–1989) – прозаик.

«Люблю твой гений величавый,

О Пушкин, лучший наш поэт...

Твоя блистательная слава

Нам укоризною звучит.

В. Каверин

9 – II – 37»

13. **Григорий Осипович Винокур** (1895–1947) – литературовед, лингвист, член Пушкинской комиссии при АН СССР.

«Счастливый случай привел меня в нашу книжную лавку в день, когда вся наша страна чествует память великого Пушкина. Пушкин это не только наша святая привязанность, но и наш общий долг, общий для писателей, ученых и книжников. Постараемся общими силами как можно лучше выполнить этот великий долг.

10 / II – [19]37

Г. Винокур»

14. **Николай Сергеевич Ашукин** (1890–1972) – литературовед, поэт, секретарь комиссии Оргкомитета ССП.

«В день столетия со дня смерти Пушкина вписываю эти строки в альбом Книжной лавки писателей с чувством глубокой благодарности ко всем ее работникам, помогающим мне книгами в моих скромных пушкиноведческих работах.

10 февраля 1937

Н. Ашукин»

15. **Николай Дмитриевич Волков** (1894–1965) – театровед, либреттист.

«Февраль подарил день пушкинского столетья – морозным воздухом, ярким солнцем, голубым небом. От этого “10 февраля 1937 года” становится еще более “пушкинским днем”. А для нас, настоящих и верных завсегдатаев “Книжной лавки писателей”, казалось обязательным зайти к вам и взглянуть на солнце февраля сквозь пыльные стекла комнаты писателя. И “пыль на книгах” в этот день кажется тоже поминками по Пушкину.

10 / II – [19]37

Н. Волков»

16. **Константин Аристархович Большаков** (1895–1938) – прозаик, поэт. Арестован в сентябре 1937 и расстрелян в 1938-м.

«Власть времени сильнее затаена

В рядах страниц, на полках библиотек...¹²

Хочется добавить – поэт, очевидно, забыл – “и книжных лавок”. Да, именно лавок, и таких, как наша, именно таких. Сегодняшний день, больше, чем всякий другой, наполнен Пушкиным. И хотя Пушкин не нуждается ни в чем, что укрепляло бы, хранило, помога-

¹² Эпиграф взят из стихотворения В. Брюсова «Библиотеки» (1917).

ло бы хранить память о самом совершенном и самом великом поэте, здесь, в книжной пыли столетий, память эта, кажется, может даже материализоваться до степени почти чувственного восприятия этого, столетием отдаленного, рокового дня.

Конст. Большаков

10. II. 1937»

17. Александр Никанорович Зуев (1896–1965) – прозаик, журналист, член комиссии Оргкомитета ССП.

«Его можно читать в любой час, с любой строчки, и поэтому Пушкин – дороже всех других.

А. Зуев»

На этом записи в гостевой книге КЛП обрываются. Оставшиеся 300 листов пусты. Отчего прервалось заполнение этого альбома? Мне кажется, по вполне понятной причине – по меньшей мере двое из оставивших там свои инскрипты литераторов были арестованы и уничтожены, и держать ставшую крамольной книгу в пределах досягаемости любой контролирующей инстанции стало опасно.

К счастью, дирекция Книжной лавки (вероятнее всего, сам Д.С. Айзенштат), осознавая мемориальную ценность этой рукописи, предпочла не уродовать ее вырыванием страниц с подписями репрессированных литераторов, а убрать в некое потайное место.

Более полувека спустя, в середине 1990-х, эта уника появилась на аукционе К.К. Драффена, где я ее и приобрел.

И в заключение несколько слов о московской Книжной лавке писателей в наши дни.

Отрадно отметить, что это одна из немногих антикварно-букинистических торговых точек, оставшихся в наше удивительное время на плаву, добавив при этом, что ее наименование было основательно подкорректировано. Теперь бывшая КЛП носит поэтичное название «Центральная книжная лавка писателей Международной общественной благотворительной организации писателей “Литературный фонд”».

Книжные знаки Книжной лавки писателей. 1921. Гравюры на дереве:
В.А. Фаворский. 4,4×7,4
В.Д. Фалилеев. 4,5×11

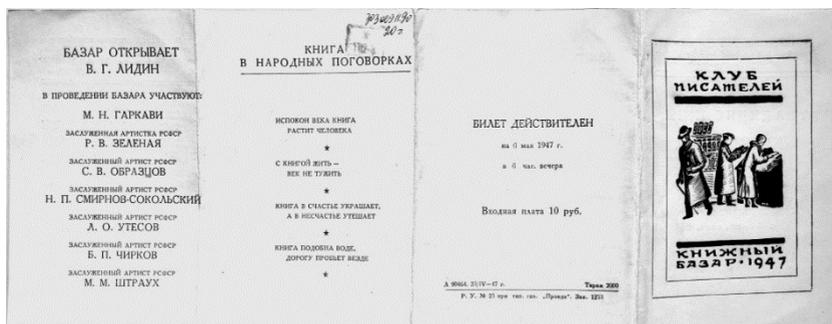
М.И. Пиков. Книжный знак Книжной лавки писателей. 1929.
Гравюра на дереве. 5,9×4,5

Книжная лавка писателей. 3 мая 1931 – 15 августа 1934.
К Первому Всесоюзному съезду советских писателей. 1934.
Обложка. Рис. Н.В. Кузьмина. 16,5×12,7

Книжная лавка писателей. 1932–1957. 1957.
Обложка. 19,5×13

Пригласительный билет (и рекламный буклет в три фальца)
на посещение книжного базара. 1947. Наружная сторона разворота. 12×8,6

(Ч. Балма)
Картинка, Июль 1934г.

Отсюда с этого пен вика

Мне дав позришиа близка —

Опозна мне суаракназ гора,

Слетаю в прошлые века,

Пойму и радость и печаль,

Скучу с грядущего судьбы

Тутая вецуго скривляе —

Завем Балма, старика.

Все эти стары, все это ноль

Все слышал — и явь и сон

Ке доказатиае слова,

Ке доказатиае песни сток.

Мне повту дивит сак

Рди веков — предметки ми...

Краткий ми прох велех

Ке доказатиае арок ак.

Вед. Г. Гиларовский.

17/21-34/

Автограф В. Гиларовского в Мемориальном альбоме Лавки писателей

Люблю твої пенні вантажі,
Пунжакі, мурманські пилі...
Твоє бістатівне слово
наш укоризнений збути.

В. Каверин
9 II-37.

Автограф В.А. Каверина в Мемориальном альбоме Лавки писателей

Источники

- Глезер 1989** – Глезер Л.А. *Записки букиниста*. М., 1989.
- КЛП-1** – *Книжная лавка писателей. 3 мая 1931 – 15 августа 1934: К Первому Всесоюзному съезду советских писателей*. М., 1934.
- КЛП-2** – *Книжная лавка писателей. 1932–1957*. М., 1957.
- Книговедение** – *Книговедение: энциклопедический словарь*. М., 1982.
- Осоргин 2007** – Осоргин М.А. *Книжная лавка писателей // Временник Общества друзей русской книги*. М., 2007. С. 139–152.

THE ALBUM OF THE MOSCOW BOOKSHOP OF WRITERS AGAINST THE BACKGROUND OF THE ERA OF THE 1930S

© **Gogolin Mikhail Yurievich** (2023), independent researcher, Moscow, gogless@yandex.ru

This article is a transcript of the report, delivered by the author on April 19, 2016 in Moscow Club of Bibliophiles (the publication follows the style of oral speech) about a unique artifact, i.e. memorial hand-written album of the Moscow Bookshop of Writers. The album, which is of obvious interest for historians of Russian literature, bibliophiles, specialists in books and book graphics and for all researchers of Soviet era, is thus introduced into scientific circulation. Containing a unique aesthetic meaning, the album sheds additional light on the mechanisms and operations of the so-called “literary way of life” (as per B.M. Eikhenbaum’s concept) of the 1930s. In additions, the article includes a reproduction of all autographs, made in the album by Soviet authors, writers and scientists, some of whom were subjected to repressions (L.M. Leonov, Demyan Bedny, Vsevolod V. Ivanov, V.V. Ermilov, D.A. Ter-Simonyan, M.P. Galperin, V.A. Gilyarovskiy, V.G. Lidin, V.A. Kaverin, G.O. Vinokur, N.S. Ashukin, N.D. Volkov, K.A. Bolshakov, A.N. Zuev). The fact that some of the autographs are written in poems allows to research them in the context of their creators’ poetic works. The authorship of several autographs could not be established; thus, the article creates the basis for their future attribution that remains quite possible. Moreover, the article is accompanied by illustrative materials: book signs and advertisements of the Bookshop of Writers, as well as the autographs of Demyan Bedny, V.A. Gilyarovskiy, V.A. Kaverin, K.A. Bolshakov.

Keywords: Stalin era, Soviet book trade, literary life, book signs, writers' autographs.

Поступила в редакцию 19.12.2023